с моим светом, дайте мне вместе с ним умереть". Закончив передачу этого плача, автор и определяет его народным термином: „И много она, государыня, кричав и причитав", но затем добавляет уже по-книжному: „и жалостно и умилно глаголя" (стлб. 769).

В „Сказании", наряду с историческими фактами, передано немало слухов, не имевших под собой реальной основы. Один из таких слухов дополнил в „Сказании" рассказ об убийстве царевича Дмитрия. Автор с полной убежденностью описывает попытки отравить царевича, по приказу Годунова, и, не имея настоящего материала для этого описания,[1] придает боярыне Василисе Волоховой черты народно-песенной отравительницы. Не без воздействия фольклора оформлен, видимо, в повести и другой слух — о том, как Годунов, еще при жизни Федора Ивановича, гадал, удастся ли ему добиться царского престола. „Премудрая жена Варвара" для Годунова, а для автора гадалка, изображается всеми средствами дидактической литературы о „злых женах": она „лукавая прелестница", „вражия угодница", „сатанина невеста". Документы сохранили известия, что Годунов обращался к гадалке — „лукавая окаянная баба", ее гадания нарисованы сказочными приемами. Годунов дважды испытывает „волшебство" гадалки. Первый раз она будто бы точно определяет, что „у сей кобылы будет жеребец ворон шерстью, белогуб, правая нога по колени бела, а левая нога по щетку бела, во лбу звезда белая, левое ухо вполы бело". Второй раз гадают на собаке: „у сей суки семеро щенят, 4 кобеля да три суки: два кобеля будут белы, кобель будет серопег, кобель будет желтопег, сука будет сера, две суки желты". Эти предсказания гадалки переданы живым языком, без всякого оттенка книжности, и, конечно, опираются на устные рассказы о колдунах и ведуньях.

3

Неразрывно связаны с своеобразным казачьим фольклором „воинские" повести донских казаков, запечатлевшие наиболее героический период в истории борьбы казачества с Турцией за овладение крепостью Азов.

В 1630-е годы казаки перешли от отдельных набегов на Азов для захвата добычи к планомерным действиям, задачей которых являлось окончательное изгнание турок из сильной крепости, обеспечивавшей им возможность постоянных нападений на окраинные области Московского государства. Азов в руках турок запирал казакам устье Дона, не пропускал их в Черное море, и, таким образом, овладение этой крепостью отвечало прежде всего интересам самого казачества.

Казачья песня с полной ясностью выразила именно эту оценку значения Азова. „На славныим тихим Дону, во Черкасским славном городу" казаки „про Азовый город говорят":

Да не дай же, боже, уму-разуму
Как турецкому шельме-паше,
Не построил бы он своей башни
На Узбеке славном Калаче,

[1] В актах б. Министерства юстиции (Приказный стол, стлб. 564, л. 211) сохранился рассказ о том, что „царь Борис Федорович, как был в правителях, присылал к бабе Царьице села Володятина Дмитровского уезда, дворянина, Микифором звали, а чей сын и прозвище того не упомнит, и тот де дворянин загадывал, быть ли де Борису Федоровичу на царстве (Е. Н. Елеонская. К изучению заговора и колдовства в России, вып. 1. Типография Шамординской пустыни, 1917, стр. 11).